

А. НИКОЛЮКИН

Феномен Мережковского

Существуют писатели, которые постигаются в процессе «отторжения» общественным мнением, критикой. Таковы маркиз де Сад во Франции, Ницше в Германии, Генри Миллер в Америке. У нас долгие десятилетия таким оставался Дмитрий Сергеевич Мережковский. У современников, как до революции, так и в эмиграции, он получал по большей части весьма критические оценки, хотя его эрудиция и ученость признавалась всеми.

А. П. Чехов, предложивший кандидатуру Д. С. Мережковского в почетные академики на 1902 год, писал ранее о лекции Мережковского, сделавшей его имя широко известным в литературных кругах: «В публичной лекции Мережковского, если судить о ней по печатным отзывам, немало правды и хороших мыслей. Но она не политична, или, вернее, не этична. В каждом обществе, будь то народность, секта, сословие или просто круг людей, связанных одной общей профессией, непременно существует этика отношений, не допускающая, между прочим, чтобы дурно отзывались о своих в присутствии чужих, если нет к тому достаточно сильных поводов вроде уголовного... Мережковский огулом, без достаточных к тому поводов дурно отзывался о своих в присутствии чужих... Дома у себя, т. е. в журнале или в литературном обществе, бранись и бей себя по персям сколько хочешь, но на улице будь выше улицы и не жалуйся барышням, полицейским, студентам, купцам и всем прочим особам, составляющим публику. Как бы низко ни пала литература, а публика все-таки ниже ее. Стало быть, если литература провинилась и подлежит суду, то уж тут публика все, что угодно, но только не судья»¹.

¹ Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1977. Т. 5. С. 143—144.

Александр Блок, читая роман Мережковского «Александр I», печатавшийся в 1911 году в «Русской мысли» и в газете «Русское слово», записывает в Дневнике: «Писатель, который никогда никогда не любил по-человечески, — а волнует. Брезгливый, рассудочный, недобрый, подозрительный даже к историческим лицам, сам себя повторяет, а тревожит. Скучает безумно, так же как и его Александр I в кабинете, — а красота местами неслыханная. Вкус утончился до последней степени: то позволяет себе явную безвкусицу, дурную аллегория, то выбирает до беспощадности, оставляя себе на любование от женщины — вздох, от декабриста — эполет, от Александра — ямочку на подбородке, — и довольно. Много сырого матерьялу, местами не отличается от статей и фельетонов»².

Наиболее определенно ту же мысль, то же впечатление от Мережковского и его произведений выразил В. В. Розанов, близко знавший его на протяжении многих лет. С присущей Розанову парадоксальностью он писал: «...мне кажется иногда (часто), что Мережковского *нет*... Что это — *тень* около другого... Вернее — *тень* другого, отбрасываемая на читателя. И говорят: “Мережковский”, “Мережковский”: а его вовсе нет, а есть 1) Юлиан, 2) Леонардо, 3) Петр, 4) христианство, 5) Renaissance... и проч., и проч. Множество. А среди его... в *промежутках* между вещами, кто-то, что-то, ничто, дыра: и в этой дыре *тени* всего... Но тени не суть вещи, и “универсальный Мережковский” вовсе не существует: а только говоря “o Renaissance’e” — упомянешь и “o Мережковском”. Оттого в эту “пустоту” набиваются всякие мысли, всякие чувства, всякие восторги, всякие ненависти... потому именно, что все сие место — *пусто*.

О, как страшно ничего не любить, ничего не ненавидеть, все знать, много читать, постоянно читать и наконец, к последнему несчастью, — вечно писать, т. е. вечно записывать свою пустоту и увековечивать то, что для всякого есть достаточное горе, если даже и сознается только в себе»³.

Может быть, единственной, кто понимал и, главное, принимал Дмитрия Сергеевича от начала до конца была Зинаида Гиппиус, жена, прожившая с ним 52 года и, по ее словам, не расстававшаяся с ним ни на один день за все это время. Случай поистине уникальный.

² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1963. Т. 7. С. 76.

³ Розанов В. В. Собр. соч.: Мимолетное. М., 1994. С. 133.

Дмитрий Сергеевич Мережковский родился 2 (14) августа 1865 г. в Петербурге, на Елагином острове, где его родители жили на даче. Прадед писателя Федор Мерёжки был войсковой старшина на Украине в городе Глухове, а дед Иван Федорович приехал в царствование Павла I в Петербург и как дворянин поступил младшим чином в Измайловский полк. Тогда, вероятно, и переименовал он свою малороссийскую фамилию Мерёжки на русскую — Мережковский. Из Петербурга он был переведен в Москву и принимал участие в войне 1812 года.

Отец писателя Сергей Иванович служил у оренбургского губернатора Талызина, потом у обергофмаршала графа Шувалова, а затем столоначальником в придворной конторе при царствовании Александра II, дослужившись до чина действительного тайного советника (2-й класс по Табели о рангах).

В семье было девять детей: шестеро сыновей и три дочери. Дмитрий был младший из сыновей, любимец матери. Родители часто уезжали в долгие служебные поездки за границу или на южный берег Крыма в Ливадию, где жила больная государыня. Дети оставались на попечении старой экономки — ревельской немки Амалии Христьяновны и старой няни, которая рассказывала русские сказки и жития святых. В рощах и на прудах елагинского парка дети, начитавшись Майн-Рида и Купера, играли «в диких», забирались в темные подвалы дворца или на плоский зеленый купол того же дворца, откуда видно взморье, катались на лодке, разводили костры на песчаных отмелях Крестовского острова, пекли картофель и чувствовали себя «дикими».

Иногда, по просьбе матери, отец брал Дмитрия с собой в Крым, где у Мережковских было имение по дороге на водопад Учан-Су. Там мальчик впервые ощутил прелесть южной природы: «Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской синеве — для меня вечный символ древней Греции», — вспоминал он много лет спустя.

Стихи начал писать в гимназии с 13 лет. То было подражание «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина. Отец, познакомившись в 1880 г. с Достоевским, повез сына к нему. Краснея, бледнея и заикаясь, Дмитрий читал ему свои детские стихи. Он слушал молча, с нетерпеливою досадою. А потом сказал:

— Слабо, плохо, никуда не годится. Чтобы хорошо писать, — страдать надо, страдать!

— Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает! — возразил отец.

Так и запомнился Мережковскому этот разговор и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощанье пожимал ему руку. Больше он его не видел, а потом вскоре узнал, что он умер.

Мережковские жили в старом доме на углу Невы и Фонтанки у Прачечного моста, против Летнего Сада. С одной стороны — летний дворец Петра I, с другой, через Неву — его же домик и древнейший в Петербурге деревянный Троицкий собор. Квартира огромная, казенная, со множеством комнат, жилых и парадных, в двух этажах. Комнаты большие, мрачные. Отец не любил, чтобы дети шумели и мешали ему: мимо дверей его кабинета они проходили на цыпочках.

И вот 1 марта 1881 года, когда Дмитрий ходил взад и вперед по комнате, сочиняя подражание Корану в стихах, прибежавшая с улицы прислуга рассказала об оглушительном взрыве, слышанном со стороны Марсова поля и Екатерининского канала через Летний Сад. Отец приехал к обеду из дворца весь в слезах, бледный, и объявил о покушении на жизнь Государя.

— Вот плоды нигилизма! — говорил он. — И чего им еще нужно, этим извергам? Такого ангела не пощадили...

Старший брат Константин, студент-естественник, ярый «нигилист», начал заступаться за «извергов». Отец закричал, затопал ногами, чуть не проклял сына и тут же выгнал его из дому. Мать умоляла простить, но отец ничего не хотел слышать. Ссора длилась несколько лет.

В последних классах гимназии Мережковский увлекался Мольером и составил из своих товарищей «мольеровский кружок». Ни о какой политике и речи не было, что не помешало Третьему отделению заинтересоваться деятельностью этого кружка. Всех участников пригласили в известное здание у Полицейского моста, долго допрашивали и ни за что не хотели поверить, чтобы мальчики 16—17 лет не занимались «свержением существующего строя». Если Мережковского не арестовали и не выслали, то этим он обязан был только положению отца.

Мережковский продолжал писать стихи, познакомился с С. Я. Надсоном, тогда еще юнкером Павловского военного училища, с которым вел жаркие споры о религии, о смерти. Надсон познакомил его с поэтом А. Н. Плещеевым, секретарем «Отечественных записок». Позднее Мережковский вспоминал: «Помню мелькающие в дверях соседней комнаты худые, острые плечи, зябко укутанные пледом, похожим на старушичий платок, хрип-

лый, надрывный кашель и неистово рычащий голос М. Е. Салтыкова».

Первое стихотворение Мережковского «Нарцисс» появилось в литературном сборнике «Отклик», изданном в 1881 г. А. С. Суворинным в пользу студентов и слушательниц Высших женских курсов в Петербурге. Окончив в 1884 г. гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В студенческие годы увлекался позитивной философией — Спенсером, Контом, Миллем, Дарвином, хотя уже тогда чувствовал недостаточность этого мирозерцания и искал выход в религиозном осмыслении жизни.

В доме директора петербургской консерватории, куда его ввел А. Н. Плещеев, Мережковский встречался с Гончаровым, тогда уже слепым стариком, поэтами А. Н. Майковым, Я. П. Полонским, а когда в 1885 г. был основан журнал «Северный вестник», — с его ближайшими сотрудниками В. Г. Короленко, В. М. Гаршиным, Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским. Сам Мережковский принимал довольно деятельное участие в журнале: опубликовал немало стихотворений, поэму «Сильвио» (1890), сочувственную статью о начинающем Чехове («Старый вопрос по поводу нового таланта», 1888), тогда почти никем еще не признанном.

Большое влияние на Мережковского оказал Н. К. Михайловский, и не только своими сочинениями, но и своей благородной личностью. Он заказал ему статью «О крестьянине во французской литературе», которую, однако, не принял, сочтя ее не отвечающей духу народничества. Среди своих первых учителей Мережковский называет Михайловского и Успенского. Он даже ездил в Чудово к Г. И. Успенскому и проговорил с ним всю ночь напролет о религиозном смысле жизни. Успенский доказывал ему, что следует обращаться к народному мирозерцанию, к «власти земли».

После этого Мережковский летом ездил по Волге, по Каме, в Уфимскую и Оренбургскую губернии, ходил пешком по деревням, беседовал с крестьянами, собирал и записывал свои наблюдения. В Тверской губернии он посетил крестьянина Василия Сютаева, основателя религиозного учения «непротивленчества и нравственного самоусовершенствования». Незадолго до того Л. Н. Толстой побывал у Сютаева, и последний много рассказывал о нем.

В зрелые годы Мережковский вспоминал: «В “народничестве” моем много было ребяческого, легкомысленного, но все же искреннего, и я рад, что оно *было* в моей жизни и не прошло для

меня бесследно». Тогда в списках распространялась «Исповедь» Толстого, которая заставила Мережковского почувствовать, что народничество еще не полная истина.

По окончании университета летом 1888 г. он уехал на Кавказ и познакомился в Боржоме с восемнадцатилетней Зинаидой Гиппиус, на которой в ту же зиму в Тифлисе женился, вернулся с ней в Петербург и всецело погрузился в литературную работу.

В 1888 г. в Петербурге вышла первая книга Мережковского «Стихотворения (1883—1887)», а в 1892 г. — «Символы (Песни и поэмы)», о которой он позднее скажет: «Кажется, я раньше всех в русской литературе употребил это слово. “Какие символы? Что значит: символы?” — спрашивали меня с недоумением». Действительно, он впервые в нашей литературе придал термину новое значение.

В 1893 г. появляется его первая литературно-критическая книга «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы», в которой обосновывается теория русского символизма, а тремя главными элементами нового искусства провозглашаются мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности. «В поэзии то, что не сказано и мерцает сквозь красоту символа, действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами. Символизм делает самый стиль, самое художественное вещество поэзии одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя... Еще Бодлер и Эдгар По говорили, что прекрасное должно несколько *удивлять*, казаться неожиданным и редким. Французские критики более или менее удачно назвали эту черту импрессионизмом».

Известность среди современников принес Мережковскому сборник статей «Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы», в который вошли очерки об Акрополе, Дафнисе и Хлое, Марке Аврелии, Плинии Младшем, Кальдероне, Сервантесе, Монтене, Флобере, Ибсене, Достоевском, Гончарове, Майкове и Пушкине.

В эти годы Мережковский много путешествовал. Он подолгу жил в Италии — в Риме и Флоренции, а также в Сицилии вблизи Мессины; побывал в Афинах и в Константинополе. Переводил античные трагедии.

В 1893 г. он начал работу над трилогией «Христос и Антихрист», продолжавшуюся 12 лет. Первую часть, «Смерть богов. Юлиан Отступник», долгое время нигде не хотели печатать. Наконец напечатал «из милости» и с большим трудом «Северный вестник» под измененным названием «Отверженный». Вторую

часть трилогии «Воскресшие боги. Леонардо да-Винчи» опубликовал в 1900 г. журнал «Мир Божий».

Готовясь к третьей части «Петр и Алексей», напечатанной в 1904 г. в журнале «Новый путь» (в отдельном издании в 1905 г. названо «Антихрист. Петр и Алексей»; все три части переизданы в Берлине в 1922 г.), Мережковский ездил для изучения быта сектантов и староверов за Волгу, в Керженские леса, в город Семенов и на Светлое озеро, где находится, согласно преданию, невидимый Китеж-град. Здесь провел он ночь на Ивана Купала в лесу, на берегу озера, в беседе с богомольцами и странниками разных вер, которые сходятся туда в эту ночь со всей России. Зинаида Гиппиус рассказала об этой поездке в очерке «Светлое озеро» (Новый путь. 1904. № 1—2).

Крупнейшая литературно-критическая работа Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» печаталась в журнале «Мир искусства» в 1900—1902 гг. (отдельное издание в двух томах — СПб., 1901—1902). Н. Бердяев считал, что именно через Толстого и Достоевского открывал Мережковский конец великой русской литературы, ее неизбежный переход к новому религиозному сознанию и новому религиозному действию (конец второго тома книги Мережковского).

В литературно-эстетическом кружке, образовавшемся около Мережковских, и на «воскресеньях» В. В. Розанова, постоянными посетителями которых были Мережковские, Н. Бердяев, А. Ремизов, Л. Бакст, К. Сомов, С. Дягилев, Вяч. Иванов, зародилась мысль организовать общество, чтобы расширить «домашние споры» об эстетике и религии и чтобы содействовать сближению и пониманию интеллигенции и духовенства. Об открытии общественных заседаний и думать было нечего. Хотя бы добиться разрешения в частном порядке, в виде частных «собраний».

С этими мыслями 8 октября 1901 г. к «строгому и неприступному» обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву отправились пятеро членов-учредителей «Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге»: Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Д. В. Философов, В. С. Миролюбов и В. А. Тернавцев. Вечером того же дня они посетили митрополита Петербургского Антония. Обещание разрешить Собрания — со строгим выбором и только для «членов» — было получено.

Первое заседание Собраний состоялось 29 ноября в зале Географического общества у Чернышева моста. Зинаида Гиппиус по этому поводу замечает: «Попустительство обер-прокурора, молчаливое обещанье терпеть Собрания “пока что”». Митрополит Антоний благословил ректора Духовной академии Сергия Фин-

ляндского (ставшего в 1943 г. патриархом) быть председателем. Он произнес вступительную речь с обещанием искренности и доброжелательности со стороны церкви и с призывом к тому же с «совершенно противоположной стороны», то есть интеллигенции-учредителей. «Да, это воистину были два разных мира», — вспоминала З. Гиппиус. Навыки, обычаи, даже сам язык, — все было другое, как из другой культуры. Дозволялось участие всему черному и белому духовенству, профессорам и даже студентам Духовной академии. Заседания были закрытыми, и для присутствия публики каждый раз требовалось разрешение духовных властей.

Отчеты о заседаниях Религиозно-философских собраний печатались в журнале «Новый путь». Победоносцев посмотрел на эти публикации да и закрыл 5 апреля 1903 г. Собрания. З. Гиппиус поясняет: «Отцы» давно уже тревожились. Никакого «слияния» интеллигенции с церковью не происходило, а только «светские» все чаще припирали их к стенке, — одолевали. Выписан был на помощь архимандрит Михаил, славившийся своей речистостью и знакомством со «светской» философией. Но Михаил после двух собраний явно перешел на сторону интеллигенции, и, вместо помощника, архиереи обрели в нем нового вопрошателя, а подчас и «обвинителя».

После революции 1905 года вместо закрытого Религиозно-философского собрания по инициативе Мережковского и его друзей в 1907 г. было открыто многолюдное Религиозно-философское общество, весьма отличавшееся от прежнего, полуподпольного. Это было одно из обыкновенных интеллигентских обществ, повсюду возникавших в ту пору.

Шли годы, и отношения Мережковского со старыми друзьями становились все напряженнее. В годы Религиозно-философских собраний В. Розанов отзывался о нем как о человеке, который ни в одном народе, кроме русского, не видит интереса, занимательности, содержания. Высоко ценил Розанов и труд Мережковского о Толстом и Достоевском, на который напал Н. К. Михайловский. Розанов считал, что перед нами «совершенно новое явление в нашей критике: критика объективная взамен субъективной, разбор писателя, а не исповедание себя» (Мир искусства. 1903. № 2. Хроника. С. 16). Вместе с тем Розанов сочувствовал и соглашался с Мережковским в критике им религиозного учения Толстого: «Мережковский бросился грудью на Толстого, как эллин на варвара, с чистосердечной искренностью и большой художественной силой. Он вцепился в “не-делание”»,

«не-женитьбу», мнимое «воскресение» и всяческую скуку и сушь Толстого последних лет».

Не менее лестно отзывался Розанов и о книге Мережковского «Гоголь и черт», вышедшей в 1906 г., в основу которой положена столь «ненаучная» мысль: «Гоголь всю жизнь свою ловил черта». В работе Мережковского критик увидел попытку проникнуть в психологию творчества писателя, в «метафизическое существо душевной жизни Гоголя», ибо до того, в трудах П. А. Кулиша, Н. С. Тихонравова, В. И. Шенрока «мы имели какое-то плюшкинство около Гоголя: собирание тряпок, которые остались после великого человека».

В свою очередь, Н. Бердяев отмечал, что огромное влияние на Мережковского оказал Розанов, его постановка религиозных тем, его критика христианства. «Как ни враждебен сейчас Мережковский Розанову, — писал Бердяев в 1916 году, — но и доньше не может он освободиться от обаяния розановской религии плоти и ему импонируют те непосредственные розановские мироощущения, которых нет у него самого».

Так называемое «новое религиозное сознание», провозвестником которого выступал Мережковский, образовалось из двух течений: из того, что Достоевский в своей Пушкинской речи назвал «русским мировым скитальчеством» и из второго, более практического источника, который был ближе Розанову, а не Мережковскому — из нужд и потребностей семейной жизни человека. Историческое христианство, утверждал Мережковский, всемерно подчеркивало духовное начало, что привело к отрицанию святости плоти, мистического единства духа и плоти в их равноценности.

Мировая история проходит, по словам Мережковского, как триединый процесс. Язычество с его культом плоти сменяется антитезисом — церковным христианством (в отличие от истинного учения Христа) с его умерщвлением плоти и аскетизмом. Историческое христианство исчерпало себя, и перед нами открывается царство «Третьего Завета», соединения плоти и духа.

Идея «Третьего Завета» была высказана еще в XII веке итальянским монахом Иоахимом Флорским, идейным предшественником Франциска Ассизского. Суть ее сводится к следующему. Судьба мира проходит через три основных этапа: Бога-Отца, Творца Ветхого Завета, когда жизнь развивается по закону «господин и раб»; период Сына Божьего Христа (отношения «отец и дитя»), длящийся и поныне; в грядущем откроется «Третий Завет» — Царство Духа, когда жизнь будет проходить в любви и интимности. Истинная религия установится в результате сли-

ния плоти и духа, начнется новая религиозная эпоха в жизни человечества.

С этим учением связана и гносеология Мережковского, признающая три разновидности познания. Эмпирическое познание служит науке и основывается на пространственно-временном представлении о мире. Метафизическое познание определяется как логическая способность действовать в соответствии с определенными законами, конструируемыми ограниченным человеческим разумом. Наконец, мистическое познание исходит из интуитивного внерационального осознания неких надэмпирических истин, таких как христианские догматы веры.

* * *

Н. Бердяев, хорошо знавший Мережковского, отмечал, что он весь вышел из культуры и литературы. «Он живет в литературных отражениях религиозных тем, не может мыслить о религии и писать о ней иначе, как исходя из явлений литературных, от писателей. Прямо о жизни Мережковский не может писать, не может и думать. Он — литератор до мозга костей, более, чем кто-либо».

Сходную оценку дает Мережковскому и его бывший друг Розанов. «Сидели, сидели в одном гнезде и — рассорились», — так написал Розанов о Мережковском и Н. Минском, которые, сидя оба в Париже, присылали в петербургские газеты статьи друг против друга. То же можно сказать и об отношениях Мережковского и Розанова, которые еще недавно в зале Географического общества у Чернышева моста витийствовали и восседали за одним столом Религиозно-философских собраний.

Откровенно отрицательную характеристику Мережковскому дал Розанов в 1909 г. в связи с его выступлением в Религиозно-Философском обществе на тему любви и смерти: «Мережковский есть вещь, постоянно говорящая, или скорее совокупность сюртука и брюк, из которых выходит вечный шум. Что бы ему ни дали, что бы ни обещали, хоть царство небесное — он не может замолчать. Для того чтобы можно было больше говорить, он через каждые три года вполне изменяется, точно переменяет все белье, и в следующее трехлетие опровергает то, что говорил в предыдущее».

Это наблюдение перекликается с замечанием А. Блока, который начал свою статью о Мережковском, опубликованную в том же году, с припоминания розановских слов о трилогии «Христос и Антихрист»: «Вы не слушайте, что он говорит, а посмотрите,

где он стоит». «Это замечание очень глубокое, — добавляет Блок. — Часто приходит оно на память, когда читаешь и перечитываешь Мережковского».

Осмеиваемый журналистами, газетными обозревателями и бывшими друзьями, Мережковский ушел в себя, в книги, в упорное чтение, и из его огромной начитанности, из глубокого переживания множества чужих мыслей и родилась его философия «нового религиозного сознания» и многие его книги. Как говорил Розанов, он «всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя».

К 1909 г. определились перемены в деятельности Религиозно-философского общества, вызванные Мережковским, Философовым и Зинаидой Гиппиус. Из религиозно-философского Общества превратилось в литературное с «публицистическими интонациями». Публика собиралась слушать о религии, а вместо этого присутствовала при сведении литературных счетов, при сшибке литературных самолюбий. Это вызвало протест в печати старых участников собраний, в их числе Н. А. Бердяева, Б. П. Струве, В. В. Розанова, С. Л. Франка, В. А. Тернавцева, П. П. Перцова, возражавших против превращения Общества в своего рода семейный кружок без всякого общественного значения.

Окончательный разрыв произошел после появления в феврале 1909 г. статьи Розанова «Трагическое остроумие», в которой приводятся слова Блока о Мережковском: «Открыв или перелистав его книги, можно прийти в смятение, в ужас, даже — в негодование. “Бог, Бог, Бог, Христос, Христос, Христос”, — положительно нет страницы без этих Имен, именно Имен, не с большой, а с огромной буквы написанных — такой огромной, что она все заслоняет, на все бросает свою крестообразную тень».

Разделяя мысль Блока, Розанов замечает, что для Мережковского весь мир есть только огромный забор среди пустыни, где саженными буквами для всемирного прочтения начертано одно: Д. С. Мережковский. И заканчивается это отречение от Мережковского по-розановски грустно: «Мне осталось проститься, задвинув урну с пеплом моего друга в самый дальний уголок сердца, хоть все еще капризно грустящего». Теперь Розанов прямо называет Мережковского «злым человеком», который выискивает для своих сочинений «злых людей», как язычник призывает Злого духа. «Мережковский, расшевеливая литературной палочкой огоньки в сердцах людей, — творит это же дело Злого духа, без малейшего понимания христианства».

Слушая Мережковского, выступившего с блестящей речью против авторов сборника «Вехи», Розанов размышлял: «Боже

мой, да ведь это все говорил Достоевский, а не Мережковский. Это — Достоевский блестел, а Мережковский около него лепился... Но Достоевский теперь мертв, а живой Мережковский подкрался, вынул из кармана его смертоносное оружие и пронзил им... не неподвижного мертвеца, а его духовных и пламенных детей, его пламенных учеников».

В 1906 г. Мережковский выпустил книгу «Грядущий Хам» — о грядущей революции. А когда в канун мировой войны началось новое революционное брожение и русская земля разделилась на две бездны, то как ни презирал Розанов своего «друга» Мережковского, но все же понимал, что находится с ним по одну сторону бездны. Одно свойство сближало его с Мережковским, Гиппиус и Философовым: «И никогда, никогда, никогда вы не обнимете свиное, тупое рыло революции».

В своих статьях «Типы религиозной мысли в России», печатавшихся в 1916 г. в «Русской мысли», Н. Бердяев отмечал, что Мережковский из литературы, из своей родной стихии вечно убегает к религиозным тайнам жизни, предрекает неизбежный переход к новому религиозному откровению, к «апокалипсису всемирной истории».

С 1906 по 1914 г. большую часть времени Мережковские жили в Париже, временами наезжая в Россию. В 1907 г. в Париже на французском языке вышел сборник статей Мережковского, Гиппиус и Философова «Царь и революция». В следующем году в Петербурге появились сборники Мережковского «В тихом омуте», «Не мир, но меч: К будущей критике христианства». В 1910 г. вышло его «Собрание стихов, 1883—1910» и сборник статей «Больная Россия». В 1911—1912 гг. печаталось первое «Полное собрание сочинений» в 17 томах. Однако наиболее полным собранием сочинений дореволюционного периода является изданное в Москве в 1914 г. в 24 томах, после чего до эмиграции писатель опубликовал еще несколько книг в Петрограде: «Было и будет: Дневник, 1910—1914» (1915), «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» (1915), «Невоенный дневник: 1914—1916» (1917).

Вторая трилогия Мережковского носит название «Царство зла» и посвящена судьбам России. Это драма для чтения «Павел I» (1908), романы «Александр I» (печатался в «Русской мысли» в 1911—1912 гг., отдельное издание в 1913 г.; переиздан в Берлине в 1925 г.) и «14 декабря» (1918; переиздан в Париже в 1921 г.).

Когда свершилась Февральская революция, Мережковские были в Петрограде и искренне приветствовали происходящие перемены. В начале мировой войны они по религиозным мотивам отрицательно относились к войне как к осквернению человечества. Однако к 1917 г. пришли к мысли, что только «честная революция» может покончить с войной. Подобно другим символистам, Мережковские видели в революции великое духовное потрясение, призванное очистить человека и создать новый мир духовной свободы. Они верили, что установление демократии даст возможность расцвета идей свободы (в том числе и религиозной) перед лицом закона.

Мережковский не входил ни в одну из политических партий, но имел отношение почти ко всем, за исключением социал-демократической, которая была внутренне чужда ему. Временное правительство воспринималось Мережковскими и их друзьями как свое и близкое им. Они жили на Сергиевской улице рядом с Таврическим дворцом и весь 1917 год «сидели за событиями по минутам».

Государственный переворот 25 октября произвел на Мережковского «отрезвляющее впечатление». В России наступило, по его словам, «царство Антихриста». Индивидуальные свободы были уничтожены, и Мережковские оказались во «власти тьмы».

Последней точкой борьбы стало Учредительное собрание, собравшееся в Таврическом дворце. Мережковские подымали портьеры и вглядывались в белую мглу сада, стараясь различить круглый купол Дворца... «Они там... Они все еще сидят там... Что — там?» Лишь утром большевистский матрос Железняк (известный тем, что на митингах требовал непременно «миллион» голов буржуазии) разогнал Собрание. «Сколько ни было дальше выстрелов, — записывает З. Гиппиус в своем Дневнике, — убийств, смертей — все равно. Дальше — падение, то медленное, то быстрое, агония революции, ее смерть».

О трагическом пути от Февраля к Октябрю писал в своей «Записной книжке» Мережковский: «Как благоуханны наши Февраль и Март, солнечно-снежные, вьюжные, голубые, как бы неземные, горние! В эти первые дни или только часы, миги, какая красота в лицах человеческих! Где она сейчас? Вглядитесь в толпы Октябрьские: на них лица нет. Да, не уродство, а отсутствие лица, вот что в них всего ужаснее... Идучи по петербургским улицам и вглядываясь в лица, сразу узнаешь: вот коммунист. Не хищная сытость, не зверская тупость — главное в этом лице, а скука, трансцендентная скука “рая земного”, “царства Антихриста”».

В Петрограде в 1919 году был голод. Мережковские продали все, что могли — платья, мебель, посуду, книги — и предвидели, что скоро продавать будет нечего. «Когда фунт хлеба — 300 рублей, а фунт масла — 3000 — никаких денег не хватит, и голодная смерть глядит в глаза», — заносит Мережковский в «Записную книжку». И описывает массовые расстрелы интеллигенции, дворян, офицеров. По городу ходили слухи, что на рынках под видом телятины продавали мясо расстрелянных. «А в Европе гадают, — продолжает Мережковский, — возможна или невозможна постепенная эволюция от человеческой мясорубки к свободе, равенству и братству».

Характеризуя вождей революции, запустивших в действие эту «кровавую мясорубку», Мережковский утверждал: «Среди русских коммунистов — не только злодеи, но и добрые, честные, чистые люди, почти “святые”. Они-то — самые страшные. Больше, чем от злодеев, пахнет от них “китайским мясом”» (так называлось мясо расстрелянных, продававшееся на рынках китайцами).

Мережковские надеялись на свержение большевистской власти, когда Юденич подходил к Петрограду. Узнав о поражении Колчака в Сибири и Деникина на юге, они решили бежать из России. Исследовательница жизни и творчества Мережковского Темира Пахмусс пишет по этому поводу: «Их роль в культурной жизни столицы и влияние на прогрессивную часть столичной интеллигенции были исчерпаны. Не желая приспособливаться к большевистскому режиму, они решили искать в Европе ту свободу, которая была попра на родине»⁴.

Мережковский подал заявление в Петроградский совет с просьбой разрешить «по болезни» выехать за границу. Ответ был: «Не выпускать ни в коем случае», — в связи с чем он замечает: «С безграничною властью над полуторастами миллионов рабов, люди эти боятся одного лишнего свободного голоса в Европе. Замучают, убьют, но не выпустят».

В начале декабря 1919 г. Мережковскому предложили произнести речь в день годовщины восстания декабристов на торжественном празднике, устраиваемом в Белом зале Зимнего дворца. «Я должен был прославлять мучеников русской свободы пред лицом свободоубийц. Если бы те пять повешенных воскресли, — их повесили бы снова, при Ленине, так же, как при Николае Первом». Отказа же от выступления ему никогда не простили бы.

⁴ *Pachmuss T.* «Польша, 1920» // *Cahiers du monde russe et soviétique.* Paris, 1979. Т. 20. № 2. P. 227.

В тишине холодных и бессонных петроградских ночей Мережковские обсуждали две одинаково странные возможности: «Жизнь в России — умирание телесное или духовное, — растление, оподление; а побег — почти самоубийство — спуск из тюремного окна с головокружительной высоты на полотенцах связанных... Что лучше, погибнуть со всеми или спастись одному?»

Сначала хотели бежать через Финляндию, потом через Литву и, наконец, решили через Польшу. Три раза все уже было готово и только в последнюю минуту срывалось. «В последнее время многие знали о нашем намерении, — записывает Мережковский, — слухи ходили по городу, и мы жили под вечным страхом доноса». В конце концов путем унижений и обманов удалось получить бумажку на выезд из Петрограда — мандат на чтение просветительных лекций в красноармейских частях.

И вот в морозную ночь 24 декабря 1919 г. чета Мережковских, их друг Дмитрий Владимирович Философов и Владимир Злобин, молодой секретарь Зинаиды Гиппиус, покинули Петроград. Мережковский вспоминал: «Мглисто-розовым декабрьским вечером, по вымершим улицам со снежными сугробами, на двух извозчичьих санях, нанятых за 2000 рублей, мы поехали на Царскосельский вокзал. На вокзале — последний митинг с речами коммунистов, с концертом оперных певичек и заунывным пением Интернационала». Вагон был завален сундуками и мешками. В купе для четырех было четырнадцать человек и такой воздух, что Гиппиус сделалось дурно.

Трое суток пути до Бобруйска были, по словам Мережковского, сплошным бредом. «Налеты чрезвычайки, допросы, обыски, аресты, пьянство, песни, ругань, споры, почти драки из-за мест, духота, тьма, вонь, ощущение ползающих по телу насекомых...» После прифронтового города латышский извозчик повез глухими лесными дорогами и целиной по снежному насту в деревню — крайний пункт, ближайший к польскому фронту. Латыш передал беглецов поляку-контрабандисту, который переправлял людей через фронт. Тот отправился на разведку и, вернувшись поздно ночью, объявил, что ехать опасно: по дорогам заставы. Но и ждать было опасно: по всему местечку — облавы и обыски. Посоветавшись, беглецы решили ехать.

Когда миновали последнюю хату на выезде, где могла быть застава, извозчик боязливо повернул к ней голову. «Мы тоже на нее взглянули, — продолжает рассказ Мережковский. — Не затеплится ли в темных окнах огонек, не выскочат ли из ворот люди с винтовками? Мы знали, что, если попадемся, лучше мгновенный расстрел, чем медленная пытка с издевательством. Слава

Богу, проехали!» Вскоре польский легионер пропустил их через линию польского фронта, и беглецы переехали заповедную черту, отделявшую «тот мир от этого».

Литературная репутация Мережковских привлекла внимание и вызвала интерес польской шляхты и русских эмигрантов в Минске, куда они попали. Мережковские читали лекции, писали политические статьи против большевизма в газете «Минский курьер». В середине февраля 1920 г. они переехали в Варшаву и там погрузились в антикоммунистическую деятельность Русского комитета в Польше. Гиппиус стала редактором литературного отдела выходившей в Варшаве газеты «Свобода».

По мнению Мережковских, после катастрофы Октябрьского переворота в России, Польша стала страной «потенциальной всеобщности», страной мессианства, которая может положить конец вражде разъединенных наций. Преодолев долголетнюю взаимную ненависть, Польша и Россия перед лицом общей опасности большевизма должны создать союз братских народов, объединенных любовью ко всему человечеству. Мережковский, Гиппиус и Философов написали воззвание к русской эмиграции и к русским в России, объясняющее войну в союзе с Польшей и призывающее присоединиться к этим силам.

Однако мир, заключенный Польшей в октябре 1920 г. с Советской Россией, положил конец так называемому «Русскому делу» в Варшаве. Мережковские обвиняли правительство Пилсудского и другие европейские страны в том, что они «упустили момент» для выполнения своей великой миссии и не распознали той опасности для будущего, которую представляет собой большевистский строй. 20 октября Мережковские выехали из Польши и после недолгой остановки в Висбадене прибыли в ноябре 1920 г. в Париж.

Обосновавшись в Париже, где у них издавна была собственная квартира, Мережковские возобновили знакомство с находившимися в эмиграции К. Д. Бальмонтом, И. А. Буниным, Н. А. Бердяевым, А. И. Куприным, Н. М. Минским, С. Л. Франком, Л. Шестовым, И. С. Шмелевым, А. В. Карташевым, бывшим председателем Религиозно-философского общества. Во время поездки в 30-е годы в Италию возобновились встречи и дискуссии с Вяч. Ивановым.

16 декабря 1920 г. в парижском Зале научных обществ Мережковский прочитал первую лекцию «Большевизм, Европа и Россия», в которой рассмотрел тройную ложь большевиков: «мир, хлеб, свобода», которая на самом деле означала: «война, голод, рабство».

В 1921 г. в Мюнхене вышла книга четырех авторов (Мережковский, Гиппиус, Философов, Злобин) «Царство Антихриста» — программное выступление в печати после бегства из Софдепии, полное страшных впечатлений от жестокостей жизни в большевистском Петрограде.

В 1926 г. Мережковские организовали в Париже литературное и философское общество «Зеленая лампа», председателем которого стал Георгий Иванов, а секретарем В. Злобин. Как вспоминает Ю. Терапиано, один из постоянных участников собраний «Зеленой лампы», Мережковские решили создать нечто вроде «инкубатора идей», род тайного общества, где все были бы между собой связаны («в заговоре») относительно важнейших вопросов. Общество сыграло видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и в течение ряда лет собирало лучших представителей русской зарубежной интеллигенции.

Первое собрание «Зеленой лампы» состоялось 5 февраля 1927 г. в здании Русского торгово-промышленного союза в Париже. Во вступительном слове Вл. Ходасевич напомнил о собраниях «Зеленой лампы» в начале XIX века, в которых принимал участие молодой Пушкин. «Пламя нашей Лампы светит сквозь зеленый абажур, вернее, сквозь зеленый цвет надежды», — сказал в своем слове Мережковский. Были прочитаны первые доклады: М. О. Цетлин «О литературной критике», Зинаида Гиппиус «Русская литература в изгнании», И. И. Бунаков-Фондаминский «Русская интеллигенция как духовный орден», Г. В. Адамович «Есть ли цель у поэзии?». Стенографические отчеты первых пяти собраний напечатаны в журнале «Новый Корабль», основанном З. Гиппиус. Однако ввиду возникших трудностей с проверкой стенографического текста и для того, чтобы не связывать выступавших на собраниях, решено было печатание стенографических отчетов прекратить.

Собрания «Зеленой лампы» были доступны только для немногих. На каждое собрание по списку приглашались литераторы, философы, журналисты, а при входе секретарь В. А. Злобин взымал с каждого небольшую плату для покрытия расходов по найму зала. Как вспоминает Ю. Терапиано, около девяти часов вечера зал обыкновенно был уже полный. И. А. Бунин с супругой, Б. К. Зайцев, М. А. Алданов, А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, Н. А. Тэффи и другие занимали место в первом ряду. Часто бывали в «Зеленой лампе» редакторы журнала «Современные записки» М. В. Вишняк, В. В. Руднев и И. И. Бунаков-Фондаминский, из «Последних новостей» приходили И. П. Демидов и С. И. Талин, из «Возрождения» С. К. Маковский. Участниками

прений выступали философы Н. Бердяев, К. Мочульский, Г. Федотов, Л. Шестов.

Аудитория первых лет существования «Зеленой лампы» была очень внимательной и чуткой и, по воспоминаниям современников, каждый вечер вызывал потом долгие обсуждения присутствующих. После прений и ответов докладчиков Мережковский иногда также произносил заключительное слово по поводу доклада. Современники рассказывали, каким сильным и опасным противником был Мережковский, обладавший редким ораторским талантом и умевший вовремя бросить самые убийственные для оппонента реплики. Он говорил, как бы думая вслух — спокойным, всем слышным голосом, почти не делая жестов.

Особенно близкие друзья Мережковских собирались у них дома на «воскресенья», где обсуждались религиозно-философские вопросы. Как до революции, так и в период эмиграции распространялось немало легенд о религиозных воззрениях Мережковского. «Еще в Петербурге, — рассказывал как-то на одном из своих «воскресений» Мережковский, — когда начались собрания “Религиозно-философского общества”, какой-то рецензент объявил, что мы все занимаемся там “богоискательством”, хотя и я, и другие участники этих собраний ни в каком “богоискательстве” не нуждались». Однако с тех пор термин «богоискательство» прочно утвердился в марксистской критике, всегда выступавшей с осуждением христианской направленности русской литературы.

Деятельность «Зеленой лампы», исторические и философские романы, созданные Мережковским в эмиграции — свидетельства нового творческого подъема писателя, вступившего в наиболее зрелую и, может быть, наиболее эстетически значимую фазу своего развития. Появляются его новые романы: «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (первоначально в «Современных записках», 1924, № 21 и 22; отдельное издание в Праге в 1925 г.), «Мессия» (в «Современных записках» в 1926—1927 гг.; отдельное издание в Париже в 1928 г.). Центральным философским трудом этого времени стала книга «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932), завершившая трилогию о путях спасения человечества. Первая часть вышла в Праге в 1925 г. под названием «Тайна трех: Египет и Вавилон», а вторая в Берлине в 1930 г. — «Тайна Запада: Атлантида — Европа».

Цифра «три» играла исключительную роль в философии истории и культуры у Мережковского. Он часто группировал свои произведения в трилогии или придавал им трехчастный характер. Определяя жанр третьей части этой трилогии, книги «Иисус

Неизвестный», философ Б. П. Вышеславцев характеризует это сочинение как «не литературу, не догматическое богословие, не религиозно-философские рассуждения, а интуитивное постижение скрытого смысла, разгадывание таинственного “символа” веры, чтение метафизического шифра, разгадывание евангельских притч».

Георгий Адамович писал об исходящем от всего сочинения Мережковского «холодке» и объяснял это отвлеченностью и «внежизненностью» как самыми характерными чертами писателя. Еще резче оценил Мережковского в своей лекции в берлинском Русском научном институте в 1934 г. И. А. Ильин, считавший, что он художник внешних декораций, а не художник души: «Душа героя есть для него мешок, в который он наваливает, насыпает все, что ему, Мережковскому, в данный момент нужно и удобно. Пусть читатель сам переваривает все, как знает».

В сентябре 1928 г. Мережковские приняли участие в Первом съезде русских писателей-эмигрантов, организованном в Белграде королем Югославии Александром I. Мережковский и Гиппиус выступили в Белграде с публичными лекциями, организованными Югославской академией, а правительство создало при Сербской академии наук издательскую комиссию, которая стала выпускать «Русскую библиотеку», в которую вошли произведения русских писателей в эмиграции, в том числе Бунина, Мережковского, Гиппиус, Куприна, Ремизова, Шмелева, Бальмонта, Северянина и др.

Мережковский давно был известен как мастер жанра биографического романа. В годы эмиграции он создал еще две книги этого рода: «Наполеон» (Белград, 1929) и «Данте» (Брюссель, 1939). Роман о Наполеоне восходит к полемике Мережковского с Л. Толстым, прозвучавшей еще в первые годы XX столетия в книге «Л. Толстой и Достоевский». Мережковский выступил против развенчания, приземления Наполеона в романе «Война и мир», где он предстает «маленьким, плоским, пошлым, комическим». В 1913 г. он написал очерк «Св. Елена», в котором Наполеон изображен как сочетание аполлоновского и дионисийского начал.

В романе о Наполеоне французский полководец для Мережковского «человек из Атлантиды», «последнее воплощение бога солнца, Аполлона». Идеи книги о Наполеоне исходят из концепции «Третьего Завета», проповедовавшейся Мережковским с петербургских времен. Атлантида — это конец первого челове-

ства. Апокалипсис — конец «Второго Завета». Наполеон — одновременно воплощает в себе и то, и другое.

Философский смысл романа, его «метаисторическое значение» (М. Цетлин) определяется обращенностью к настоящему, к тому, что переживала Россия в ту пору. Книга написана с неизбывной думой о русской революции, о катастрофе 1917 года, после которой «бесы революции» установили в стране красный террор. Мережковский говорил о своих исторических сочинениях: «Большинство считает, что я исторический романист, и это глубоко неправильно; в прошлом я ищу будущее... Настоящее кажется мне иногда чужбиною. Родина моя — прошлое и будущее» (Звено. 1925. 16 марта).

Среди религиозно-философских сочинений, написанных Мережковским в годы эмиграции, выделяются три небольших исследования: «Павел. Августин» (Берлин, 1936), «Св. Франциск Ассизский» (Берлин, 1938) и «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (Берлин, 1938) под общим заглавием «Лица святых от Иисуса к нам». Отмечая, что подход Мережковского к фигуре Франциска Ассизского не реально-исторический, а философский, П. Бицилли, один из наиболее глубоких филологов русского зарубежья, утверждал: «Цель автора — указать место св. Франциска не в истории Европы, а в «вечной», «идеальной» истории» (Русские записки. 1938. № 11. С. 199).

Посмертно на французском языке была издана трилогия Мережковского «Реформаторы», в которую вошли книги о Лютере, Кальвине и Паскале (1941—1942). Написанная незадолго до начала второй мировой войны, эта трилогия издана по-русски в Нью-Йорке в 1991 г. Наконец перед самой смертью Мережковский завершил свою последнюю трилогию об «испанских тайнах»: «Испанские мистики. Св. Тереза Иисуса» (Возрождение. 1959. № 92 и 93), «Св. Иоанн Креста» (Новый журнал. 1961. № 64, 65 и 1962. № 69), «Маленькая Тереза» (отдельное издание в США в 1984 г.).

В 1940 г. Мережковские переехали в Биарриц на юге Франции, а вскоре Париж был занят немцами, все русские журналы и газеты закрыты. Мережковский всегда оставался противником всех форм тоталитаризма. Его философия духовной свободы как основы Царства Божия на земле («Третьего Завета») делала для него невозможным сотрудничество как с большевизмом, так и с нацизмом. Он надеялся на взаимное уничтожение этих двух зол.

В радиоречи «Большевизм и человечество», произнесенной после нападения Гитлера на СССР, Мережковский остался верен

себе и повторил то же, что писал с 1920 года о большевизме как абсолютном зле и необходимости Крестового похода против него, к чему он в свое время призывал Пилсудского и папу римского: «Большевизм никогда не изменит своей природы, как угольник никогда не станет кругом, хотя можно увеличить до бесконечности число его сторон... Основная причина этой неизменности большевизма заключается в том, что он никогда не был национальным, это всегда было интернациональное явление; с первого дня его возникновения Россия, подобно любой стране, была и остается для большевизма средством для достижения конечной цели — захвата мирового владычества». Не случайно Гиппиус свою книгу о Мережковском закончила словами, что Мережковский и она «были и в начале, и в конце, и всегда “за интервенцию”».

Писатель верил, что духовное начало, культура и разум, планомерно уничтожавшиеся большевиками, возвратятся в Россию. Он был убежден, что именно повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», которое другие народы завершат.

Социал-демократическая, а затем советская критика всегда отрицательно относилась к Мережковскому как к «реакционеру от начала до конца» (статья в «Литературной энциклопедии»). Творческое наследие писателя представлялось в карикатурном виде. Так продолжалось со времен статьи Л. Троцкого «Мережковский» (1911), вошедшей затем в его программную книгу «Литература и революция» (1923), до недавних учебников и курсов русской литературы XX века.

В 1928 г. незадолго до возвращения в СССР М. Горький писал: «Дмитрий Мережковский, известный боголюбец христианского толка, маленький человечек, литературная деятельность которого очень напоминает работу пишущей машинки: шрифт читается легко, но бездушен, и читать его скучно» (Правда. 1928. 11 мая). Эта горьковская традиция непризнания художественного значения наследия Мережковского продолжалась долгие десятилетия, и только теперь туман советского литературоведения начинает рассеиваться.

Прошло сто лет с той поры, как появились первые отклики на книги Мережковского. Его репутация как писателя то поднималась до уровня живого классика, то катастрофически падала. Историческое значение Мережковского определяется тем, что он отразил колебания мыслей и чувств русской интеллигенции перед, во время и после революции. Той интеллигенции, которая способствовала развязыванию революции, а выпустив из бутыл-

ки «Грядущего Хама», первая же от него и пострадала. Такое самозаклание «во имя идеи» — наиболее значимая черта русской интеллигенции начала XX века. И художник живописал исторические процессы с постоянной мыслью о судьбах России нашего времени.

